

РАЗДЕЛ I. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.З. ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В КООРДИНАТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАПАДНИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ

Прежней России, отмечал И.А. Ильин, не будет. Будет новая Россия. Но по-прежнему – Россия. Эта мысль предполагает синтез традиции и процессов обновления. Такой синтез требует не только предметного творческого мышления, но и мобилизации воли и практических усилий. Глубинным является в современной России *противоречие между социокультурными традициями и процессами модернизации*. Ныне в России традиции не развиваются органично, а блокируются насаждением стандартов Запада. Традиция толкуется экзальтированными радикальными либералами как косная архаика, как наследие «тоталитаризма», как дурная манера в приличном обществе.

В результате большинство граждан находятся в состоянии неопределенности относительно главных *смысложизненных* вопросов и испытывают неуверенность в проектировании своей жизни. Исчезла *ценностная стратегия* развития страны. В народном сознании происходит *размывание национально-культурной идентичности и целеполагания*, чем объясняется потеря народом, как *субъектом, самостоятельности и инициативы* в общественном жизненном процессе. Эрозия национально-культурной идентичности подобна деперсонализации личности.

Традиция и модернизация. Традиции и модернизация связаны по существу, как *различия* в пределах *одного* содержания. *Традиции без их обновления* ведут к застою, окостенению социальных и культурных форм. В итоге создается ситуация некоей окаменелости жизни, гаснет инициатива, уменьшается доля самостоятельности, и утверждаются репродуктивность, исполнительство, повтор прежних форм жизни и скука. Смелчаки, выходящие за рамки ритуалов, подвергаются моральным и иным санкциям и тем самым обретают некий то *романтический*, то *героический* ореол. Такой ореол увлекает молодежь. Ширится круг смельчаков, готовых выйти за «красные флажки» окаменелых традиций. Происходит *стихийное* размывание граней традиций в форме протеста, забастовок, массового «инакомыслия» и проч. Так было в СССР в 70-е –

80-е прошлого века. Инерция традиции исходит из сознания, ставшего работать по репродуктивным схемам. Возникает явный дефицит новизны.

С другой стороны, *модернизация вне традиции*, как правило, заканчивается *имитацией* внешней формы без переделки существенного содержания, как это происходит в современной России, например, в экономике или образовании. Наши либеральные реформаторы стремятся все делать так, чтобы было как в Вашингтоне, Лондоне и Париже. Раньше большинство из них жило по Марксу, а ныне – по рецептам очередного «нового великого учения» – чикагской школы радикального либерализма. Но и в прошлом, и настоящем реформаторы-западники так и не укоренились в традицию народа. Поэтому для них, так сложилось в истории, служение Отечеству есть подлость перед человечеством, Родина – это уродина, а народ России – материал для реформ в свою пользу. Им не ведомо чувство родного. Реформаторы России с 1990-х гг. страдают троцкистским волюнтаризмом, в рамках которого страна воспринималась как косный материал, подлежащий «перековке» и переделке по заимствованным извне чертежам. Их проекты не вырастают из потребностей народной жизни, а механически заимствуются извне.

Почему же модернизация осуществляется без опоры на традицию? Вероятней всего, потому, что реформаторы духовно и нравственно не связаны с народом, не идентифицируют себя с ним и с национальной культурой. В России «элита» молится на стандарты Запада, опирается на Запад и сбежит туда, если полыхнет в стране. Одним словом, творцы реформ очерствели сердцем настолько, что у них выветрилось чувство родного по отношению к народу и Родине. Чем иным объяснить безжалостность нелепых реформ исключительно в пользу малого круга граждан? Отчуждение «элиты» от народа убедительнее всего выражается в паразитическом феномене: гражданам России вообще не объясняют, во имя чего осуществляются реформы, ведущие к деградации во всех основных сферах жизни. Конечно, такие «реформы» закончатся самоотрицанием в ближайшие 5-10 лет уже потому, что они лишены *нравственного основания*, не говоря уже о каких-либо положительных показателях.

Настоящая модернизация есть *обновление традиции*. Обновление же обусловлено новой реальностью, интересами новых поколений. Каждое поколение призвано решать вековую задачу – *творчески соединять традицию и обновление*, избегая догматики и волюнтаризма. А чтобы избегать крайностей в погоне за очередным общественным «измом» (социализмом, капитализмом, монархизмом и т.п.), следует сохранять

«трезвление ума» – помнить, что, во-первых, в истории люди борются не за тот или иной общественный строй (это делают романтики на пять минут или лукавые идеологи), а за *утверждение того образа жизни, который они считают для себя достойным*; во-вторых, в решении общенациональных проблем и противоречий разумность состоит в том, чтобы исходить из *целого*, а не из частей, из *системных связей*, которые организуют части в целое, а не из локальных, местных отношений. Ибо кто понимает логику целого, тот поймет и значение частей в составе целого; в-третьих, в составе противоречий только одна противоположность имеет истинную действительность, другая же противоположность является производной и не имеет самостоятельного значения. Так, противоречие между отечественными и западными ориентациями может успешно решаться в пользу отечественных интересов, ибо западники сами по себе не имеют самостоятельного значения и паразитируют на национальных интересах в своекорыстных целях. Возникает вопрос о корневой России и о наших российских западниках. Но вначале проясним странности термина «интеллигенция». Ниже при изложении отечественных и западных ориентаций для нас будут важными *не отдельные лица*, а сами эти *ориентации*, борьба между которыми полыхает и поныне. Экскурс в историю поможет понять особенности этой борьбы в современных условиях и определиться по вопросу идентичности.

Что такое интеллигенция в России? Термин «интеллигенция» существует лишь в России. Он имеет различные значения: *социологическое и культурологическое*. В первом случае он обозначает представителей высокоспециализированного духовного труда в социальной структуре общества, во-втором, – представителей определенного типа мировоззрения и социокультурной позиции. Данный термин ниже используется только во *втором* значении.

Сам вопрос, что такое интеллигенция в России, на первый взгляд, кажется надуманным. Ведь первое значение данного термина вполне ясно и определено. Зачем вводить еще какое-то «культурологическое значение»? Между тем данный термин, возникший из-под пера Боборыкина в XIX веке в 80-е годы, использовался именно в культурологическом значении. А обычная, социологическая, его трактовка закрепилась лишь в советский период.

Начнем с цитат, которые вызывают недоумение. «Профессора и академики, сами по себе как таковые, – отмечал П.С. Лавров, – не имели и не имеют права причислять себя к интеллигенции» [3. С. 135]. Такие же

странности читаем у Н.А. Бердяева. «К русской интеллигенции, – констатирует он, – принадлежат люди, не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще не особенно интеллектуальные»; «многие русские ученые и писатели совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле этого слова»! [З. С. 125]. Смысл этого слова пояснял известный меньшевик Дан: ученые, вообще образованные люди стоят вне интеллигенции, «если они настроены консервативно и реакционно» [З. С. 136]. Например, Лев Тихомиров принадлежал к интеллигенции тогда, когда он был членом «Народной воли» и был настроен прогрессивно, антимонархически, революционно. Но когда он написал «Монархическую государственность», то интеллигенция автоматически исключила его из своих рядов. То же можно сказать о Ф.М. Достоевском, когда он после каторги стал крепко придерживаться православно-русского миропонимания. Критерием здесь, намекал Дан, является «не степень образования, а тип мировоззрения», «известная политическая солидарность» [З. С. 127, 131].

Интеллигенция – это идейно замкнутая социальная общность людей, которые подчиняют национальную культуру идеям Запада и настроены «прогрессивно»: либерально, демократично, революционно и обязательно *прозападно и скептически к самобытности России, ее истории и культуре*. «Русский образованный человек и русский интеллигент, – писал Б. Башилов, – это антиподы во всем: в психологии, мирозерцании, мироощущении. Цель первых – творить русскую самобытную культуру, цель вторых – любой ценой добиться уничтожения русского национального государства, на почве которого только и может развиваться и цвести русская культура». Как же можно, восклицает Башилов, относить интеллигенцию к русскому образованному обществу? [З. С. 114, 135]. Отметим, что и И.А. Ильин относил Пушкина не к интеллигенции, а к «русскому культурному обществу»! Творцы русской культуры отлично понимали чужеродность интеллигенции в судьбе России. «Силу художественного гения, – отмечал профессор П.Б. Струве, – у нас безошибочно можно измерить степень его ненависти к интеллигенции – достаточно назвать гениальнейших – Достоевского, Тютчева и Фета» [З. С. 134].

Интеллигенция – это закрытый «орден». Она не пускала в свой круг людей типа Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Тютчева, Хомякова и Данилевского, Д. Менделеева и М. Шолохова. Она составляла, по П.В. Анненкову, – «как бы воюющий орден, который не имел никакого

письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоит по какому-то соглашению ... поперек всего течения современной ему жизни» [З. С. 116-117]. Бердяев и Г.П. Федотов хорошо знали интеллигенцию изнутри. Она, удостоверяет Бердяев, напоминала «монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мировоззрением, со своими особыми нравами и даже со своеобразным физическим обликом» [З. С. 117]. То же отмечал Г.П. Федотов [З. С. 117].

Б. Башилов в 18-ти томном издании один из первых установил различие между культурным слоем и интеллигенцией. Путем тщательного текстологического анализа он выявил соответствие между интеллигенцией и западниками, между базисными установками интеллигенции и масонства. Опираясь на обширный историко-литературный материал, он делает вывод: природа ордена интеллигенции определяется его «масонским происхождением», члены ордена есть «духовные и политические лакеи мирового масонства», а структура ордена – «точная копия организованной структуры масонства, это то же самое единство в разнообразии» [З. С. 116-118]. Интеллигенцию, как и масонство, объединяла «ненависть к Самодержавию, к Православию, к русскому историческому прошлому, ненависть к самобытным традициям русской культуры – такой идейный цемент, скрепляющий различные интеллигентские секты в одно духовное Целое» [З. С. 120]. Основательный исследователь масонства в России, скрупулезно работающий на документах-первоисточниках, ученый Олег Платонов представил на страницах газеты «Русский вестник» (1995. № 33-36) от «а» до «я» (от Авена П.О. до Яковлева А.Н.) многочисленный ряд интеллигентов-западников, входящих в различные организации масонской ориентации – Ротари, Русский Пен-центр, Международный русский клуб, Магистерииум, Большая Европа, Взаимодействие и др. Но оставим мистику масонства. Нас интересует *мировоззренческая* позиция именно интеллигенции.

Интеллигенция – прямой потомок революции Петра I. Эта революция, писал П.Б. Струве, – «угасила русский дух» и «поставила национальную идею в подчиненное положение по отношению к национально и государственно *отсталым идеям тогдашнего Запада*» (курсив наш – С.Г.) [З. С. 124]. Со времен Петра I вызрела странная традиция «малого народа» идейно и практически разрушать дух и культуру большого, трудового народа.

Корневая Россия и интеллигенты-западники. Жизненное значение отечественных ценностей мы стали понимать по мере приближения к «прелестям» западной цивилизации. Измена людей своей духовной идентичности обрекает их на хождение от одного разочарования к другому. Поиск духовных основ есть реакция на душевную «грязь» «цивилизации» и на самоизмену духовной традиции наших великих предшественников – святителей и праведников, подвижников и героев России. Возвращение к корням, духовное смыкание поколений, служение России – таков императив воли у растущего круга людей, представляющих корневую Россию. Корневая Россия – это труженики, созидающие ее во всех областях (в хозяйстве и государстве, воспитании и культуре, церкви и суде, армии и медицине) и соборно объединенные в духовное «мы» любовью к Богу и Родине.

Можно отметить *основные ценностные установки* в российском самосознании XIX и XX веков.

Одна из них ориентирована на *отечественные ценности*, культуру, традиции, другая – на *ценности и стандарты Запада*. Эти установки глубинные, они выражают *разные формации души* и ориентируют не столько на средства, сколько на *цели и идеалы, на качество духа*.

Полемика между представителями этих установок развивалась от товарищеских споров до смертельной вражды, от единодушного желания служить России (одни воспринимали ее как Родину-Мать, другие – как дитя, которое надо воспитывать по-европейски) до драмы 1905 года, затем до трагедии Октября и, наконец, до трагикомедии современной смуты. Если Пушкин – родоначальник отечественных установок в культуре XIX века, то Радищев – отец российских интеллигентов-западников.

Трещину в самосознании народа вызвал церковный раскол. Реформы Петра I своим западничеством поляризовали общество. Идеал «Святой Руси» сменился идеей «Великой России». В XIX век Россия вступила без национальной идеологии. На самобытный национальный путь Россию направили два великих человека. В политике – это Николай I, в культуре – А.С. Пушкин. Николай I начинает «контрреволюцию» против революции Петра, втайне готовит освобождение крестьян от крепостничества, финансирует из личных средств развитие русской культуры. В его царствование начинается «золотой век» русской культуры. Николаевская эпоха – это время «упорной идеологической борьбы между сторонниками восстановления исконных русских традиций и членами возникшего Ордена Русской Интеллигенции» [3. С. 69]. Национальное миропонимание

начали активно развивать А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский и А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский и Н.Я. Данилевский, Ф.И. Тютчев и др. Министр просвещения С.С. Уваров формулирует принцип национальной идеологии – «Православие. Самодержавие. Народность». После 1829 года Пушкин целиком разделяет национально-государственную политику Николая I. Он дает резкую отповедь масонству, едко отзывается о французском просвещении и американской демократии, принципиально критикует западничество, в частности Радищева [4. С. 79-83], излагает основы национальной идеологии [9. С. 54-57]. Он «возглавляет собою творческое цветение русского культурного общества», а его творчество являет собой «откровение о русском духовном естестве» [9. С. 40]. Из национального миропонимания родился «золотой век» русской культуры.

Различия между двумя установками обострялись. А.И. Герцен был одержим идеей низвержения Николая I. П.Я. Чаадаев пишет предельно злобный пасквиль на Россию. Декабристы намереваются уничтожить царя и его семью. В.Г. Белинский восхищается кровожадным Маратом и готов ради социализма уничтожить часть человечества. Н.Г. Чернышевский в ответ на реформу Александра II зовет Русь к топору и готовит крестьянское восстание. Князь П. Кропоткин проповедует отмену государственного порядка, право анархиста заколоть буржуа и бросить бомбу в губернатора у церкви. Анархист М. Бакунин возлагает надежды на каторжников и призывает ко всеобщему разрушению. Бакунин, отмечает Ф. Достоевский, – «старый мешок бредней, ему легко хоть детей в нужник нести» [5. С. 153]. Народовольцы и эсеры во имя гуманизма развязали террор против чиновников. П.А. Столыпин – единственный реформатор России XX века, сознательно исходивший из Уваровской формулы русской жизни. Он намеревался укрепить Россию как традиционное общество, которое соединяло бы в себе православное верование, национальную русскую культуру, образованность народа, христианское правосознание граждан, предприимчивость тружеников и мирный самостоятельный созидательный курс государства. Решающим мотивом его реформ было культурное возвышение народа над узким, буржуазно-торгашеским горизонтом Запада. Реформы Столыпина натолкнулись на их абсолютное неприятие как российскими западниками, так и зарубежными недругами России. Вот почему многоликая рать западников травила Столыпина всеми средствами. За ним буквально охотились, одиннадцать раз покушались, пока не убили.

Либералы и демократы, народовольцы и социал-демократы с воодушевлением и наперегонки подтачивали основы российского общества – православие, монархическое правосознание, государственность, русскую культуру и народные традиции. И.Солоневич в своей работе «Народная монархия» раскрыл кричащее противоречие между корневой Россией и ее кривым отображением в умах интеллигенции, которая петушком вприпрыжку бегала за очередной западной хлестаковщиной, пока не оказалась в застенках ЧК.

Радикалы-западники (большевики) взяли верх. Ленинская гвардия развязала террор с таким рвением против православно-патриотической культурной общественности, что И.В. Сталин вынужден был, подчеркивает Ю.М. Бородай, начать расправу над «врагами народа» – «повальное истребление ленинской гвардии» [2. С.397]. «Именно большевизм возник как самое экстремистское течение русского западничества и стал орудием тотального искоренения традиционных национальных устоев (религиозно-нравственных и культурных, хозяйственных и социальных) в жизни всех самобытных народов Российской империи, и, прежде всего, народа русского. Почти все прокламации большевизма были пропагандистской ложью, кроме одной “святой” установки – классового интернационализма... До середины 30-х годов словосочетание “русский патриот” квалифицировалось как уголовно наказуемое» [2. С.396-397].

После 1945 года благодаря великой Победе советского народа отечественные ориентации стали усиливаться, и в 80-е годы открылась реальная возможность поэтапного возвращения России (СССР) на исконный национальный путь развития с учетом достижений советского периода и с сохранением великого исторического ранга страны. Именно из-за такой перспективы СССР был намеренно разрушен, причем, радикалами-западниками. Но «святая» установка на отрицание национального уклада жизни сохранилась. Усилиями интеллигентов-западников Россия была оболгана, предана и продана. Ее стали сдавать под опеку мировым деньгодателем. С 1991 года начинается государственное насаждение в сознание народа посредством СМИ предпочтений к западным стандартам и нигилизма к отечественным ценностям. Здравый призыв Президента России В.В. Путина к «приоритету национальных задач», к «патриотизму, культурным традициям, исторической памяти» и «нашим корням» пока никак не превращается в действительную политику в области культуры и образования [13].

Отметим существенные различия двух основных социально-мировоззренческих установок.

Особенности отечественных ориентаций. Это – признание важности религии в духовном единении народа, в частности благодатности Православия, симфонии церкви и государства, основополагающего значения традиций, этики труженика, социальной справедливости, патриотизма, сильного государства и сильной армии, верховенства созидания и надклассовой солидарности, духовной преемственности поколений. Отечественные ориентации – это сохранение лучшего в традициях, т.е. *креативный консерватизм*, умонастроение антропогенного, традиционного (не техногенного) общества, страны-семьи, а не страны-рынка.

Сознательным субъектом такого умонастроения являлся и является образованный квалифицированный средний класс людей-тружеников, созидающий Россию во всех сферах. Их умонастроение точно выразил И.А. Ильин: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, а не “мамоне”, и не “начальству”, не “личной похоти” и не “партии”, не “карьере” и не просто “работодателю”, – но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед лицом Божиим» [8. С. 146]. При таком умонастроении человек видит за «моим» и «твоим» – «наше», за корпоративным интересом – государственный, за государственным – всенародный, за человеческим содержанием – божественное. Эта могучая соборность народного духа составляла основу душевного здоровья, трезвой мысли, широты понимания, цельности духа, творческого размаха, душевной щедрости и духовного благородства. Ибо сохранялась гармония ценностей частных и всеобщих, человеческих и божественных, относительных и абсолютных. Без всенародного и божественного русскому человеку душно жить в застенках индивидуального интереса. Эти особенности составляют и в настоящее время перспективность российского *креативного консерватизма* независимо от устремлений личности к социализму или монархизму, от ее национальности, рода занятий (священник, предприниматель, писатель и т.п.).

Особенности западных ориентаций в России. Это – неприятие религии вообще, Православия в частности и, как следствие, нигилизм в отношении русской культуры и ментальности, отечественных традиций

в государстве и хозяйстве, культуре и воспитании; неприятие патриотизма, оборонного сознания и мощи армии; верховенство разрушения над созиданием, тяга к утопиям, радикализму и практическим потрясениям основ; этнонигилизм вообще и русофобия, как правило, в частности; выспренный, абстрактный «гуманизм вообще» и обязательное стремление к вненациональной глобалистике, будь то интернационализм социалистический или демократический, экуменизм в религии или «общечеловеческие ценности» в идеологии. В целом, это – умонастроение идейных эмигрантов, кочевников, туристов, якобы, живущих на чужбине. Эти противоположные ориентации вырастают из глубинных корней, уходящих в подсознание. Чем питаются эти корни?

Родное – психологический исток отечественных ориентаций.

Культура России созидалась, по-преимуществу, в рамках отечественных ориентаций, чего нельзя сказать о «творениях» западников. Почему же плодотворна линия Пушкина? Творчество есть вдохновенное посвящение чему-то дорогому, «особенно родному», отмечал патриарх советской драматургии В.С. Розов. Родному дарят лучшую часть души. Так Пушкин дарил цвет своей души Родине, и Россия цвела. Традиционные общества держатся глубинным подсознательным чувством родства и семьи, родного и Родины. Жизнетворческое чувство *родного сублимируется (возвышается) в культуре в виде творения объективно лучших содержаний, образцов человеческой субъективности.* В культурном возвышении этого чувства заключается поразительная жизнестойкость и мощный творческий потенциал традиционных обществ не только в прошлом, но и в настоящем. Родное объективируется в благое содержание жизни – как любимый человек, семья, соборное «мы», отеческое наследие, родной язык, родная культура, Родина, Отец Небесный, творческая жизнь. Это – чувство дома, а не чужбины. Для Пушкина чувство родного – «животворящая святыня», основа «самостояния человека», «залог величия его»; без этого чувства «наш тесный мир – пустыня», «душа – алтарь без божества». А.С. Пушкин, наш спаситель в культуре, сам указал родник своего творчества: «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа». Подсознательный характер чувства родного выразил М.Ю. Лермонтов в «Отчизне»: «Но я люблю – за что, не знаю сам». Ф.И. Тютчев творческие силы черпал не в космополитическом либерализме, но в сыновнем чувстве к родному краю русского народа:

«Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит,
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Вся тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный,
Исходил, благославляя».

В.С. Розов, сопоставляя отечественные ценности с западными, заключает: «Знаете, что душу питает? Это родное, особенно родное и близкое. Без этого, наверное, русскому человеку нельзя» [14]. В чувстве родного соединились естественная религия народа России и Православие. Древнеславянская вера была овеяна чувством родного по отношению к *природе, Роду, народу, Родине*. Из родного рождается все совершенное – правда, добро, красота, гармония и лад – такова формула этой веры. Православие вознесло чувство родного до абсолютной вершины – до совершенства Отца Небесного.

Отечественная культура корнями уходит в глубинное подсознательное чувство родного. Это чувство корневое: из него вырастают *жизнетворчество*, а не жизнеотвержение, *созидание*, а не разрушение, традиции и *национальная идентичность*, семья и Родина, *преемственность поколений* и *творческий потенциал* личности.

Родное бережно сохраняют и вдохновенно обогащают, ему служат за совесть и храбро обороняют мечом. Чувство родного – одно из самых древних и сильных. Оно синкретично и целостно, емко и гениально. В нем этносоциальные, этнокультурные, нравственные, религиозные и эстетические чувства сливаются в трудно выразимый трепет и побуждают продуктивное воображение к творчеству и бескорыстному дару. Это чувство гениально: оно выводит сознание из-под власти узко формальных предписаний, технической рациональности, односторонней «научности», окостеневших социальных статусов и побуждает мышление работать интуитивно по сверхрассудочным творческим схемам.

Отечественные ориентации есть культурное возвышение и развернутое выражение чувства родного. Сила этого чувства духовно смыкает деяния митрополита Илариона (XI в.) и митрополита Санкт-

Петербургского и Ладожского Иоанна (XX в.), автора «Слова о полку Игореве» и А.С. Пушкина, А.В. Суворова и Г.К. Жукова.

Чувство родного было основой душевного здоровья, питало творчество классиков русской культуры и являлось для всех слоев народа надежным иммунитетом от отчуждения, включая западничество. Не случайно в русской философии в отличие от западной *не обсуждалась* сама проблема отчуждения!

Родному противостоит чужое. Западничество выражает собой отчуждение от подлинно родного. К таким проявлениям относятся неприятие Отца Небесного и Родины-Матери, национального самосознания и отечественных традиций, патриотизма и оборонного сознания, державного государства и сильной армии. Ведь если мне «эта» страна не родная, то зачем мне ее защищать? К сублимации душевной безродности относятся бегство от отечественного наследия в интернациональную глобалистику и в мир утопий, тяга к *потрясению основ* и отрицание отечества ради человечества. Но от родного не бегут, его не разрушают. Ярким проявлением отчуждения от родного выступает характерное для российских западников стойкое чувство негативизма, доминирование «нет» над «да», раздора над согласием, сильное желание выйти за рамки обжитого и уютного, дорогого и родного и все это изломать и перепачкать, как это делали Радищев и Чаадаев, Печерин и др.

Западники как блудные сыны уходят от родного к очередному чужому, скитаются по чужим дорогам и побираются под чужими окнами чужих посольств. Их мировосприятие подобно диаспорному сознанию на чужбине. Сотрудничество с царем и правительством западники считали кошуном. Свою Родину они называли «тюрьмой народов», «Гулагом», «муравейником», цитаделью «тоталитаризма», а царей – то «Николаем Палкиным», то «Николаем кровавым». В золотой век русской культуры Добролюбов поучал авторов журнала, как надо писать: «Нам следует группировать факты русской жизни. Надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, для того, чтобы противно стало читателю все царство грязи, чтобы он вымолвил: “Да что же, дескать, это за каторга”» [5. С. 149].

Отчуждение, отталкивание от родного логически выражается в культе отрицания. «Отрицание – мой Бог», – писал В.Г. Белинский. «В истории мои герои – разрушители старого: Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и тому подобное... Я понял и французскую революцию. Понял и кровавую любовь Марата к свободе,

его кровожадную ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством...» [З. С.104-105]. М. Бакунин тоже признавал первенство отрицания, «неустанное самосожжение положительного на чистом огне отрицательного». Он писал: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость», «я ищу Бога в революции» [7. С. 54, 56]. Интеллигенция, отмечал Н.А. Бердяев, породила тип человека, «единственной специальностью которого была революция» [З. С. 126]. «В истории русской интеллигенции, – писал Г. Федотов, – основное русло – от Белинского, через народников к революционерам наших дней» [З. С. 128].

Но верховенство *отрицания* есть движение от бытия к *ничто*, к *уничтожению* цветущих форм жизни и культуры. А страсть уничтожения – это вектор дьявола, гибели, пустыни. Не случайно, «пламенные революционеры» намеревались поставить памятник Люциферу, а затем, после переговоров с А. Луначарским, поставили в г. Свияжске памятник Иуде с надписью на постаменте «Предтече мировой революции!» Не случайна и волна «балов сатаны», прошедшая в начале 90-х годов XX века во многих крупных областных городах, включая Екатеринбург. Это – символы разрушения Отечества и нравственных устоев.

Западники не созидали, а, скорее, разрушали культуру и уклад жизни народа. За два века своей эволюции они так и не создали в культуре ничего самобытного, что стало бы родным для народа. Они – вечные *имитаторы* чужих чувств и мыслей. Причина их культурного бесплодия, не личная бездарность, но отщепенство от родного. Отчуждение не побуждает к созиданию и творчеству. Западники сильны во зле, а не в добре. Достоевский дал, пожалуй, самую глубокую характеристику российским западникам: «Интеллигенция – это народ в народе – европейцы русского происхождения. ... Какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтоженький. ... Мы говорим прямо – это сумасшедшие: и между тем у этих сумасшедших своя логика, свое учение, свой кодекс. ... Эти люди ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы». Он заключает: «Если разобрать все воззрения нашей европействующей интеллигенции, то ничего более враждебного здоровому, правильному и самостоятельному развитию русского народа нельзя и придумать» [З. С. 45, 122-124]. Побывавший в пекле «ордена» западников Л. Тихомиров отмечал: «Эта интеллигенция ... отрицала не частные строения, а самую строящую силу, требовала не тех или иных мер,

а того, чтобы она устранила самую себя, отдала Россию им» [3. С. 12]. Строящей силой была корневая Россия.

Современные западники во власти крушат все, что является дорогим для корневой России, будь то семья, нравственность, любовь, творческий труд, душевная чистота детей. В прошлом западники насаждали интернационализм «пролетарский», потом – «социалистический», а ныне внушают «интернациональную демократию», «общечеловеческие» ценности и иную глобалистику. Но инвариант один – бегство от родного, денационализация народа и культуры. Современные западники без войны и мора довели страну до разрухи, и конца ей не видно. Усилиями западников легализованы «сексуальные меньшинства». Деструкция в сфере пола порождает деструкцию в психике в виде *комплекса разрушения*, который объективируется в *социальных деструкциях*. Кто перешагивает через природные основы жизни, тот способен перешагнуть через любые социальные нормы.

Западничество – это болезненное явление и для страны, и для самих его субъектов. Его глубинный источник – *отчужденное состояние души*; потеря чувства родного и Родины; его психологическое выражение – *комплекс разрушения*, стойкая негативная установка к здоровым началам жизни народа; его выражение в культуре – *творческое бесплодие и имитации*, бегство в утопии и глобалистику, в формальные построения неомодернистского толка и неприятие корневых ценностей большого народа; его социальные проявления – *отвращение от органически вырастающих реформ и радикальные потрясения ценой судорог и страданий народа*. Итоговый результат западничества – *практическая деструктивность, разлом духовной преемственности поколений и потеря национальной идентичности*.

Исторический опыт подтверждает долгосрочную правоту российского *креативного консерватизма* и изъяны модернизационных концепций западников: правоту А.С. Пушкина, а не П.А. Чаадаева, И.В. Киреевского, а не В.Г. Белинского, П.Д. Юркевича, а не Н.Г. Чернышевского, И.А. Ильина, а не Л.Д. Троцкого. Ныне, как ладони, западники обнажили свою полную теоретическую и практическую несостоятельность. Они у власти потому, что труженики России еще питают иллюзии, традиционно доверяя государственной власти, не умеющей соединить социокультурные традиции и процессы обновления. Но иллюзии скоро развеются, как болотный туман в солнечное утро.

Западничество в России не тождественно западной культуре,

которую высоко ценил Ф.М. Достоевский. Диалог культур необходим. Это -- аксиома. Но заимствуются не культуры, а знания и технологии. Культура, как беременность, длительно и органично выращивается в лона национального духа. И вне этого лона она сразу вырождается в пошлые имитации.

Феноменология сознания российских западников. Сущность сознания составляют те высшие для человека ценности, которые он воспринимает как предельные, абсолютные и священные. Им он служит бескорыстно, самоотверженно, вдохновенно и с благоговением. Служа им, он служит заветному в своей душе. Такие ценности не только хранят в душе, но обязательно объективируют – в храмах, символах, поэзии, литературе и т.д., в виде памятников, наименовании улиц, городов и проч. Созерцая их вовне, человек, народ поддерживают свою идентичность, крепят свой дух для дальнейшего восхождения. Без таких ценностей не было бы религии и культуры, святых, подвижников и героев; не было бы и российской интеллигенции. Стремление и воля к таким ценностям есть вера и верование, а субъективное отношение к высшим ценностям есть *религиозность души*.

Главное заключается в том, *соответствует ли содержание ценностей их рангу как высших и абсолютных*. Такое соответствие присуще духовной религии Бога как полноты совершенства, а несоответствие – светской религиозности, устремленной на ценности земные, частные и *относительные*, которые хороши относительно данного лица, данной группы лиц в данное время.

Без абсолютных ценностей сознание теряет единый критерий ориентации в жизни и культуре, тем более на крутых поворотах истории, кризисных состояний страны. Поэтому оно с необходимостью *возводит относительное в абсолютное*, земное в небесное, человека в Бога. Но первое не тождественно второму. Возникает расхождение между рангом ценностей (абсолютность, предельность, святость) и их содержанием. Этот зазор наши интеллигенты-западники заполняют мифотворчеством – мифологией свободы и прав человека, демократии и гуманизма, рынка и Запада; они абсолютизируют земное, и оно превращается в трансцендентное (потустороннее), в фантастику и утопию, оторванную сразу от земли и неба, от человека и Бога. Земное, возведенное в абсолют – это иррациональное построение воображающего рассудка, оторванного от чувственного восприятия. Такая химера дразнит и распаляет воображение,

превращается в кумир, догму и идол. Так творится многоликое просвещенное идолопоклонство с почитанием творений без Творца.

Займованные извне принципы интеллигенция обязательно возводит без всякой рефлексии в догмат, наделяет его ореолом сакральности и святости и начинает исповедовать «священный» догмат *фанатически и радикально*. Кумиротворчество завершается *идолопоклонством*. Отсюда – *тоталитарность мировоззрения* интеллигенции, его отчужденность от земли и «неба», его призрачность и беспочвенность, слепой фанатизм в реализации утопий.

Действительность быстро разоблачает несостоятельность светской религиозности интеллигентов-западников. В их сознании происходит падение кумиров, наступает разочарование, а за ним – нигилизм и цинизм. Обезбоженное светское сознание мечется в бесконечном ряду относительных ценностей и не имеет возможности оценить их с позиций абсолюта. Оно тоже жаждет святого, но без святости! Гордыня мешает. Оно хочет сохранить свою автономию от всяких абсолютов, постоянно декларирует об этом, хихикает над Богом и священным и превращает свою собственную автономию в абсолют! Так и возникают «комары субъективности» (Гегель). Ничему не поклоняясь, по видимости, оно на самом деле поклоняется собственной гордыне и платит за это разнузданием вседозволенности, релятивизмом и глупостью узколобой субъективности. Мораль быстро превращается в служанку внешних обстоятельств: нравственно то, что служит революции, перестройке, контрреволюции. Мораль становится аморальной. Одна часть интеллигенции прозревает, другая – с еще большим упорством гнет линию своего «ордена» или переходит от одного догмата к другому. Идейным метаниям соответствует трагедия поколений.

Такова сущность феноменологии сознания интеллигенции на протяжении почти двух последних веков. Такова она и в наши дни. Отметим некоторые черты этой феноменологии.

Во-первых, это *тоталитарность* мышления и мировоззрения, то есть *всеохватная рассудочная регламентация* полноты жизни одним принципом без учета реального многообразия. Мышление интеллигенции рассудочное, черно-белое. У нее, писал А.И. Герцен, – «учреждена своя радикальная инквизиция, свой ценз идей. Идеи и мысли, удовлетворяющие их требования, имеют права гражданства и гласности, другие объявляются еретическими и лишены голоса. У них образовалось свое обязывающее предание, идущее с 1789 года, своя религия, исключительная и

притеснительная» [З. С. 132]. «Белинский, как типичный русский интеллигент, – отмечал Н.А. Бердяев, – во все периоды стремился к тоталитарному мирозерцанию... Он был нетерпим и исключителен, как все увлеченные идеей русские интеллигенты, и делил мир на два лагеря» [З. С. 126]. Профессор В. Вейде писал: «Инакомыслие со времен Герцена, Бакунина и Белинского всегда считалось интеллигенцией самым злейшим преступлением во всех существующих на свете». Достаточно было профессору «не высказать одобрения студенческой забастовке, чтобы его отчислили от интеллигенции» [З. С. 127]. Жесткое деление полноты жизни по классовому признаку «или – или», присущее «твердокаменным» большевикам, общеизвестно. Девиз современных западников, захвативших СМИ, – «иного не дано». К ним целиком применима характеристика Герцена: у них «учреждена своя радикальная инквизиция», инакомыслящие «лишены голоса». За тоталитарностью мышления скрывается *полуобразованность*: за частями сознание не видит целое, не понимает их значимости в составе целого и абсолютизирует то или иное явление, превращая часть в самоцель. На практике это ведет к гибели и частей, и целого. Так, интеллигенты права человека ставят выше прав народа на его территорию, историю, культуру. Трудно не согласиться с Бердяевым: к интеллигенции принадлежат люди, «не особенно интеллектуальные». Интеллигенции не присуща культура целостного духовного акта. Ныне интеллигентская разнузданность буйствует в средствах массовой информации России.

Во-вторых, это *радикализм и фанатизм* в реализации тоталитарного мировоззрения. У интеллигенции, замечал Г. Федоров, идея «не вырастает из самой жизни», а как бы «спускается с неба». Одна система догм сменяется другой, и этой смене идей соответствует «гибель целого поколения» [З. С. 127]. Декабристы молились на республику и, сломя голову, бросились ее готовить. Хотя республика в то время была полной утопией для России. Зачем они это делали? А чтобы «как на Западе», во Франции.

В «ордене» мерилом престижности являлось *степень неприятия национальной России*. Убить самого государя – это верх геройства. У разночинцев и народолюбцев настолько закружилась голова от социализма, что они возжелали «счастья» народа с сегодня на завтра и любой ценой. Для них правительство – абсолютный враг, а народ – святыня. Чтобы сделать счастливою малейшую часть человечества, признавался Белинский в письме к Боткину, – «я, кажется, огнем и мечом

истребил бы остальную» [5. С.105]. Большевики восприняли идеи социализма сугубо религиозно, как евангелие от Маркса. Революция стала для них самоцелью и святыней. Ради нее они угробили себя и лучшую часть культурных людей России. Современные западники-небольшевики воспринимают рыночную экономику как врата в земной рай и ради чудодейственного рынка готовы уморить всех несогласных. О фанатичном поклонении догмату можно судить по воспоминанию Достоевскому о Белинском: «В новые нравственные основания социализма он верил до безумия и без всякой рефлексии, тут был один восторг» [3. С. 91]. Для души интеллигента органично вырастающие реформы, писал Е. Юрьевский (Валентинов), есть нечто «скверно ползучее», из рубрики «применительно к подлости», «медленным шагом, робким зигзагом». Органический рост целого вызывает в этой душе «чувство омерзения, тошноты» [3. С.130]. Юрьевский сотрудничал с Лениным и его гвардией, он хорошо знал психологию большевизма.

В-третьих, это *беспочвенность*, то есть, пояснял Г. Федотов, отрыв «от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от всех органически выросших социальных и духовных образований» [3. С.134]. «Для интеллигенции, – писал Бердяев, – характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, раскол с окружающей действительностью, крайняя идейная нетерпимость и идейный фанатизм. Раскол, отщепенство, скитальчество, невозможность примирения с настоящим... характерные черты интеллигенции. ... Она всегда будет говорить про себя “мы”, про государство, про власть – “они”» [3. С. 126, 128]. Это состояние души выговаривает Белинский: «мы – люди без отечества; нет, хуже, чем без отечества, мы люди, которых отечество – призрак, и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность – призрак» [4. С. 126]. Отчужденность в душе психологически выражает *отчуждение от родного*. Достоевский писал о Белинском: «Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально... Никогда бы не кончил он славянофильством. Белинский, может быть, кончил бы эмиграцией... и скитался бы теперь маленьким восторженным старичком где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии» [4. С.90]. Позорное письмо Белинского к Гоголю, полное нигилизма в отношении культуры России, не случайный эпизод его биографии.

Интеллигенция негативно относилась к творцам культуры, укорененным в национальную почву. «Только беспочвенность как идеал (отрицательный) объясняет, – отмечал Г. Федотов, – почему из истории русской интеллигенции справедливо исключены ... Самарин, Островский, Писемский, Лесков, Забелин, Ключевский и множество других. Все они почвенники – слишком коренятся в русском национальном быте и в исторической традиции» [З. С. 134]. По этой причине Герцен называл славянофилов «славянобесами» и пояснял: между ними и нами – «церковная стена». Белинский оценивал мыслителя А.С. Хомякова как «Хлестакова» и т.п. Революционная идеология, вспоминает член «ордена» профессор Степун, литературно «расстреливала» десятилетиями «все самые талантливые явления русской жизни»: русскую религиозную философию, русский символизм, передовое антипередвижническое искусство, Розанова и Достоевского [З. С. 133]. «Начала славянофильства, имеющие глубокую опору в народе, – писал А. Блок, -- всегда были роковым образом помехой интеллигентским началам» [З. С. 137]. Михаила Шолохова интеллигенты-западники травили всю его жизнь, не прощая ему его гениальности. Травят и посмертно. И сегодня все талантливые выражения в культуре русского национального самосознания вызывает у интеллигенции в лучшем случае замалчивание, иронию и сарказм.

Вот с таким легионом интеллигенции столкнулись Николай I и последующие государи. Ее имел в виду Пушкин, когда писал о том, что в России много людей, «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России» [З. С. 121]. Уступки правительства интеллигенция всегда расценивала как слабость и моментально расширяла объем требований. Побывавший в пекле «ордена интеллигенции» Л. Тихомиров подчеркивал, «Эта интеллигенция... отрицала не частные строения, а самую строящую силу, требовала не тех или иных мер, а того, чтобы она устранила самую себя, отдала Россию им» [З. С. 12]. Строящей силой была корневая Россия.

Если интеллигенция есть «малый народ», идейно воюющий против большого народа, то на что она опирается? В основном на моральную, политическую и финансовую, поддержку деньгодателей («мировой закулисы») из-за рубежа. Без помощи банков США и Германии «профессиональным революционерам» не на что было бы жить, издавать газеты, содержать агитаторов, приобретать оружие и т.п. Без моральной, политической и финансовой поддержки извне ельцинизм в СССР стал бы невозможным. Какова связь интересов мировых деньгодателей с идеологией западников? Финансовый международный капитал поражает

национальные истоки культуры, гасит чувство дома и Родины, разлагает национальное самосознание, высмеивает патриотизм и служение Отечеству, насаждает космополитизм, пацифизм и толерантность, многообразную глобалистику, вырывающую человека из лона национальных традиций. Все это он делает ради свободы функционирования, которая натывается на защитные меры национальных государств. Вот он и сокрушает эти меры. Он формирует соответствующую себе социальность не потому, что у него «злая» воля, а потому, что у него космополитическая, вненациональная социальная сущность, из которой часто следует и злая воля. В реализации своих целей он активно использует герметически замкнутые организации, в частности, масонства, цели которых никогда не противоречат его целям. «Масоны, – пишет М. Назаров, – стремились атомизировать общество, лишить его абсолютных духовных ценностей – ибо только в таком обществе деньги становятся высшей ценностью, и единственной “истиной” становится истина денегодателей – мировой закулисы» [10. С. 91]. Поскольку религия Бога аккумулирует абсолютные ценности и ими крепит национальную культуру, нравственность, идентичность народного духа, постольку она всегда была мишенью номер один для масонов всех ритуалов. «После разрушения коммунизма, – заявил З. Бжезинский, – единственным врагом Америки осталось русское православие» [11]. Зарубежная русская православная церковь, столкнувшись с масонством, определила его так: «Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью...» [6. С. 156]. Масонство – это школа, в которой готовятся «пятые колонны» разных стран. Все партии и идейные группировки космополитической антинациональной направленности *объективно* выступают приводными ремнями от денегодателей к национальным социальным институтам. Для лишения государства самостоятельной национальной политики необходимо поразить его иммунную систему – космополитизировать национальное самосознание, побудить людей воспринимать Родину как уродину и «империю зла». Для такой акции нужны соответствующие люди, занимающие высокое положение в органах власти и управления, в сфере культуры, СМИ и т.д. Их надо готовить. Вот на этой подготовительной стадии начинается щедрая поддержка «пятой колонны» – людей с «прогрессивным», либерально-демократическим, революционным, прозападным умонастроением; или, по выражению В. Коротича, «псов перестройки».

Выросшая при прямой или косвенной поддержке из-за рубежа новая идейная общность (интеллигенты-западники) начинает «перестройку» сознания и уклада жизни большого, трудового народа, не осознавая в какую игру она вступает. Затем на сцену выступают деньгоданели и прибирают власть к рукам.

Такую перестройку предвидел И.А. Ильин. Если после падения большевиков Россией будут править «интернационалисты», писал он, то они не захотят блюсти исторические интересы народа. Народ станет средством для чуждых ему целей. Он будет разорен, обессилен и в последний раз предан. Это и произошло в ходе интеллигентской «перестройки» под лозунгом «приоритета общечеловеческих ценностей».

Нашим интеллигентам-западникам следует указать на их полное банкротство. Не следует внимать их речам и писаниям. Мы Западу, отмечал И.А. Ильин, не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. *Линии Пушкина в отечественной культуре в равной мере присущи как почвенность, так и универсалии культуры.*

Борьба между отечественными и западническими ориентациями в России будет продолжаться и далее. За борьбой идей скрывается спор различных *образов жизни* и устремлений в будущее. Только в такой борьбе могут родиться *жизнеспособные* формы, снимающие крайности двух этих основных установок в России. Это и есть реальная диалектика.

То, что с позиций англоязычного Запада кажется архаикой (национальная идентичность, Родина и др.), в нынешних переходных условиях к культуре становится *выигрышным*. Япония и вслед за ней «южно-азиатские тигры» от экономики теснят США на беговой дорожке новейших технологий, потому что они сохраняют свою *национально-культурную идентичность*. Россия, отмечает Бородай, несмотря на свою скоротечную лагерную индустриализацию, «в гораздо большей мере, чем Запад, сохранила в сознании большинства населения свои самобытные духовно-нравственные архетипы», а также «еще достаточно большой потенциал аскезы – готовности к жертвам и сверхусилиям ради идеи». Последнее станет фактором «решающей важности, как только будет преодолен острейший *духовный* кризис – кризис идентичности, поиска новых сверхиндивидуальных целей» [2. С. 393].

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чреватому иррациональными деструктивными срывами» [2. С. 394]. Такой кризис, отметим еще раз,

подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое «Я», наполняемое всякий раз изменчивым событийным материалом, «вихрями» повседневности. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются *субъектные* качества, самостоятельность. Так индивиды превращаются в «существователей» (Гоголь), но без духовной сущности, а народ – в блуждающие потоки населения.

Кризис в России – кризис духовный. Конечную причину сокрушения монархического строя И.А. Ильин видел в кризисе духовном. То же следует отметить и о конечной причине разложения социализма и СССР в нашей стране. Основанием для такого суждения служат следующие события.

- Великий геополитический континент (СССР) пал так же неожиданно, как и монархический строй. Хотя Советский Союз был могуч и несокрушим в отношении обороноспособности, технологической мощи, экономической организованности, единого партийного и государственного руководства. Более того, около 80% граждан страны высказались на референдуме весной 1991 года за сохранение Союза, а в августе того же года Союз распался. Причем, сами трудовые коллективы *не ставили* вопроса о переходе на капиталистические формы хозяйствования. Мнения о том, что партийная верхушка предала партию и государство, поэтому и Союз распался, не состоятельны. Где же были 18 миллионов членов КПСС? Почему же ни один из них не решился защищать парткомы и горкомы, а коммунисты в парламенте РСФСР проголосовали за Беловежское соглашение? Союз распался потому, что он был крепок снаружи, но *немогущ* *изнутри, духовно*. Идеи социализма в части их деструктивности (материализм, воинствующее безбожие, безнациональный интернационализм) *не были укоренены* в православно-культурную традицию. Поэтому никто не стал защищать парткомы.

- Фигуранты во власти в современной России вышли, как правило, из «советской шинели», осуждают социализм, советский строй и громоздят нечто, похожее на капитализм. Создают то, что даже в Конституции России не отмечено. Чем объяснить столь стремительный поворот в идеологии и политике? Социализм из-за его этнонигилизма не был принят

сердцем и воспринимался как внешняя организационная форма, которая и была отброшена внешним образом.

- Народ, создавший социализм, вдруг с оживлением стал голосовать на выборах за могильщиков социализма, проклиная в то же время новые порядки в стране! Разве это не смута в умах и кризис идентичности, явленный как практическая амбивалентность?

- В дни празднования 60-летия Великой Победы советского народа над нацистской Германией и ее сателлитами руководство страны ни разу не упомянуло имя Верховного главнокомандующего Красной Армии И.В. Сталина. Славили Победу, но замалчивали имя вождя. Чего и кого боялись? Разве это не потеря здоровья?

- Как либералы и демократы-разночинцы, анархисты и нигилисты в XIX веке подтачивали основы российского общества (православие, монархическое правосознание, русскую культуру и народные традиции), так и большевики, выражаясь словами Н. Бухарина, «подрезали головку великодержавному шовинизму» – уничтожали самобытную национальную Россию, обзывая ее «тюрьмой народов». Дело Бухарина продолжают нынешние радикальные либералы. Что это – глупость или полное отчуждение от духовного наследия досоветской и советской России (СССР)?

- Расстрел бывшего царя-миропомазанника в православной стране; уничтожение церквей и священнослужителей; издевательство над именем вождя И.В. Сталина; признание руководителя КПСС М.С. Горбачева в том, что он то и делал, что разлагал партию изнутри; перестройка руководителей коммунистов в капиталистов – разве это не есть веки нравственного падения, которые и привели к духовному кризису и деградации всех сфер общества?

- С 1991 года руководство России так и не сформулировало ни стратегии и тактики, ни целей и задач, ни понятных народу программ практического действия. Оно или утаивает свои намерения или не знает, что делать со страной. Разве это не кризис духовно-нравственный?

- В России есть все необходимое и достаточное для оздоровления и рывка к творческому созиданию страны во всех областях: самая большая территория, 40% природных ресурсов планеты, научные технологии, образованный пока еще народ, традиции соборно кооперировать усилия в общем деле. Чего не хватает? Не достает того, что меньше всего ценили материалисты – тех *базисных духовных ценностей, которые изнутри добровольно согласуют души людей и тем самым вносят согласия во*

внешние поступки и дела. Разве это не духовный кризис во всем его сосредоточии – в области ценностей?

О борьбе отечественных и западнических ориентаций в ЦК и Политбюро КПСС впервые поведал А.И. Байгушев, помощник М.А. Суслова, непосредственный участник скрытых от публики событий, умело проводящий патриотическую линию [1]. Приведем лишь два примера из этой остросюжетной содержательной и объемной книги. Глава КГБ Ю.В. Андропов разослал 28 марта 1981 года секретную записку членам Политбюро о «русистах», подрывающих устои советской власти. В записке утверждалось: «Изучение обстановки среди “русистов” показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность движения, обретает организационную форму». Далее следовал призыв к репрессиям: «Опасность прежде всего в том, что “русизмом”, т.е. демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, “за спасение русской” нации, прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя» [1. С. 370]! Кто же такие “русисты”? Это – выдающийся русский живописец Илья Глазунов, историки А.М. Иванов, С.Н. Семанов, Вадим Кожинов; за ними – цвет национальной культуры России – Валентин Распутин, Василий Белов, коллектив журналов «Наш современник», «Молодая гвардия», словом, научно-литературная общественность, духовно соединяющая досоветскую и советскую Россию.

Л.И. Брежнев, отмечает, А.И. Байгушев, опирался на «теневую “Русскую партию” внутри КПСС». На Политбюро Брежнев категорически возразил против предлагавшихся репрессий: «Нам новый 1937-й, да еще против русских государственников, опоры державы, не нужен. Скорее всего, КГБ просто попало на изощренную провокацию со стороны западных посольств. Меня на такие “фу-фу” не возьмешь. Я не Никитка Кузькина Мать. Сразу топтать ногами не начну. Андропов прав, что доложил. Но поговорили – и спасибо за бдительность. Никаких лишних телодвижений! Поговорили и забыли!» [1. С. 372]. Пока Брежнев болел, М.А. Суслов, пишет Байгушев, осуществил «сатанинскую мечту своей жизни» – протолкнул постановление ЦК «Об усилении атеистической пропаганды». «Когда, в переполошившейся “семье” Брежневу с ужасом в глазах об этом донесли, он не стал отменять решения, а – просто засекретил. Да так засекретил, что ни в один обком для осуществления оно не дошло, “испарилось”, как будто его и не было» [1. С. 373].

Остается отметить, что патриотизм – это отождествление, самоидентификация личности с *духом и культурой* народа. А народ не бывает безнациональным. Поэтому патриотизм всегда имеет национальный окрас. Национальность – это не кровь, а самоидентификация личности с той или иной культурой. Национально-патриотическое состояние души – достояние *культурного* человека, а не бродяги и кочевника. Убрав из паспорта графу о национальности, руководство России поставило себя в нелепую ситуацию: оно декларирует о национальных интересах в «безнациональной» стране!

Мы акцентируем духовность кризиса в России потому, что дух – это не только гармоничное и возвышенное состояние; дух аккумулирует в себе высшие смыслы, в которых *закодирована социальность* народа, вехи его истории. Глумение над символами, например, смена формата Знамени Победы, рождает в духе народа болезненные очаги и раны.

Логика развития России в XX веке. Современная Россия находится в *трагикомическом* состоянии: народ, построивший *справедливое* в социальном отношении общество, вдруг решил создавать *антисоциальный капитализм* без намека на *социальную справедливость*. Это, конечно, смута в умах. Она развеется потому, что логика развития России в XX веке *последовательна и неумолима*: если самобытная национальная Россия была подвергнута отрицанию интернациональным социализмом в начале 20-х годов XX века, то сам такой социализм тоже подвергся отрицанию в 1991 году. Произошло *отрицание отрицания*, и перед Россией возникла реальная возможность *творческого синтеза лучших качеств досоветского и советского периодов*. Но произошел временный зигзаг назад с 1991 года: одна форма западной идеологии (интернациональный социализм) была заменена другой, неизмеримо более *худшей* формой западничества – либерально-демократической идеологией рыночной экономики. Такой зигзаг – уродливая нелепица, преходящий момент в истории России, не имеющий *нравственного* и иного оправдания.

Ценности буржуазной и интернационально-социалистической идеологии есть крайние разновидности единой ментальности западной технической цивилизации, которая за триста лет своей эволюции завела человечество в тупик. Обе идеологии делают ставку на обустройство внешней жизни. Только одна из них исходит из частной собственности, а другая – из общей, общественной. Но глубинная установка одна и та же – сытая при внешнем изобилии жизнь, но с обезбоженным, бездуховным, безвдохновенным сознанием. Не случайно, вчерашние партийные

руководители сменили социалистическую идеологию на буржуазную. Но это – *смена формы в рамках одной сущности*. Можно и нужно отделить бескрылую идеологию интернационального социализма от здоровых традиций советской власти. Это сделали с поразительной пронизательностью матросы Кронштадта, выставив в 1921 году лозунг, в котором они отделяли Советы от чуждого большевизма. В нем точно выразилась инородность двух содержаний: *народность Советов и чуждость большевизма*. Советам, к сожалению, не удалось приспособить интернациональную идеологию к национальной России. Большевики подмяли под себя Советы, и социализм выродился в дикий рынок. Его летальный исход был закономерным из-за примитивной идеологии с ее деструктивными антинародными духовными компонентами. «Пламенные революционеры» начали с разбоя страны и кончили им же. Большевики тоже жаждали мировой власти, «всемирной республики Советов», тоже исповедовали мондиализм, веря в «однородное человечество», в отмирание наций, национальных культур и языков и даже семьи. Что было, то было. Достижения Советского Союза есть заслуга *советской народной власти* вопреки «братскому» интернационализму.

После блужданий с 1917 года перед Россией XXI века открывается созидательный путь духовного возвращения «Домой», на Родину, к собственным духовным святыням и ценностям, культуре и образованию, к правосознанию и государству, к единению народа. На этом пути соединятся поколения, опыт досоветской и советской России. Опыт советского периода таит в себе благодатные возможности для будущего. Этот опыт следует осмыслить с позиций креативной культурной антропологии, несущей в себе самое древнее антропогенное ядро – *нравственность*, самоограничение ради других индивидов, ставшее совестью, свободой воли, воображением и мышлением.

Кооперация – тоже исходная форма согласования усилий, проходящая через хозяйственную деятельность от начала истории до наших дней. Но кооперировать усилия можно по-разному, с разными мотивами. Качество труда (деятельности) производно от мотива, от «добросовестности». Если я других индивидов в своем сознании воспринимаю с позиций *равноценности достоинства каждого человека*, то и свои усилия в продукт труда я буду вкладывать, исходя из достоинства и блага других лиц. Такая установка не только «общественная», но, в первую очередь, *нравственная*. Социализм в России – это величайшая в истории попытка вернуться к *антропогенной* основе –

нравственности – и созидать, исходя из нее, в исторически новой форме всю социальность, установить между людьми новую социальную связь в форме *человеческой общности*. Именно из этой антропогенной основы выросло *истинное содержание* жизни советского периода – нравственное *доверие* друг к другу, *солидарность* равных по духовному достоинству лиц, этика *добросовестного* труда, *социальная справедливость*, взаимная *помощь* и *поддержка*, *великодушные* людей, объединенных *благородной* жизненной установкой, *великая самоотверженность* тружеников на поле труда и воинской брани, в областях науки и искусства, салют Великой Победы 1945 года и «звездные часы» Юрия Гагарина.

Это содержание советского опыта подлежит *наследию и полному приятию*. Что же нам мешает это сделать? Амбивалентная установка: «и хочется и колется, но Запад не велит». Из этой установки следуют смута в умах и ностальгия о советском периоде. Тоска не только из-за того, что мы там жили, и нам дорога именно наша жизнь, прожитая там, но, по существу, из-за того, что интуиция подсказывает: мы отрекаемся от чего-то *сокровенного, честного и достойного*.

Почему в современной России (правительство бьет тревогу) около половины пищевой и медицинской продукции фальсифицируется? Потому, что соответствующий мотив у поставщиков продукции – корысть обогащения ценой здоровья других, потребителей. В таком мотиве содержится формула: я – все, другие – только средства. Но такой мотив губителен не только в экономике, но и в политике, управлении, образовании, воспитании, суде, медицине и т.д., в культуре в целом. Ссылки на частную собственность не состоятельны потому, что воровать и предавать можно и при общественной собственности, если она не есть *следствие нравственного* возвышения людей. Ссылки на формы собственности – это детская манера уводить человека от ответственности: не мы виноваты, а собственность. Но собственность есть *отношения между людьми*. Неужели люди не первичны в своих отношениях?; или первичны их собственные продукты, включая собственность? Откуда эта *бессубъектная, покорная стихийным обстоятельствам* установка сознания? В плане философском она – дитя сознания, ушибленного материализмом созерцательного толка. Такой материализм едко критиковал К. Маркс за созерцательность и пассивность, за то, что такой материализм берет мир «не субъектно». В социологическом же плане данная установка составляет полное кредо капитала: *максимум прибыли – минимум совести*. Гражданам России можно и нужно строить экономику

на духовно-нравственных основах, возвышающих, а не унижающих достоинство каждого труженика. Такая точка зрения пролагает себе дорогу. А. Антонов, зав. кафедрой социологии и демографии семьи социологического факультета МГУ, размышляет: «Многие из тех, кто ныне составляет правящий слой, зарабатывают на депопуляции, а вы хотите, чтобы они проводили политику поощрения рождаемости. ... Вкладывая деньги в какое-нибудь производство, капиталист затем вычисляет из полученного дохода свои расходы, деньги на амортизацию, заработную плату работникам, а всю оставшуюся прибыль забирает себе. Современные экономисты, социологи, демографы, экологи задумались: собственно, а по какому праву это происходит? Только на основании факта владения собственностью, а не внесенного вклада в развитие производства и общества. *Капиталист ведет себя как хищник, присваивая то, что успел захватить*». [11]. К. Маркс предвидел общество, где деятельность раскроется как «полная самодеятельность». В.И. Ленин полагал социализм «живой, творческий», как «создание самих народных масс», как их «самодеятельность». В государственной политике России и нужно утверждать формы, просторные для самодеятельности. Но самодеятельность может утверждаться с эффектами добра или зла. Все зависит от нравственных мотивов. Предпринимательство – это институт массовой самодеятельности. И базировать предпринимательство разумно на нравственной основе. Нравственность – это генетически исходная социальная связь, благодаря которой (самоограничению ради должного) в далекой древности индивиды облачились в набедренные повязки, сдерживая природные инстинкты и утверждая от века к веку верховенство социального над природным. Нравственность – это *пропуск* на вход в человеческую общность, это – *абсолютная* предпосылка человеческой общности. Поэтому-то нравственность уже на «заре» человеческой истории базируется на Абсолюте религии. Истинное содержание религии как раз связано с нравственностью, с равноценностью достоинства каждого человека, независимо от его национальности, пола и социального положения. Религия и возникает для того, чтобы освятить нравственность, иначе история превратится в зоологию.

Перед Россией XXI века стоит задача – *осуществить отрицание отрицания*, творчески соединить традицию и обновление страны, сохраняя великой ранг России в религии и культуре, государственном строительстве и хозяйстве, сохраняя верность и ответственность перед памятью святых, подвижников и героев России.

В решении этой задачи разумно выйти из ментальности современной техногенной цивилизации. *Миссия России в XXI веке – осуществить переход от техногенной цивилизации к культуре как новой исторической ступени, стать субъектом созидания нового человеческого жизнеустройства*, опираясь на благодать Божию, на собственную духовную культуру, на проверенные веками традиции в отношениях между людьми, сохраняя верность и достоинство. Россия готова к такой миссии.

Перенацелим наш дух. Нам надо перестроить сам культуру-творящий акт, перенацелить наш дух, преобразиться из «электората» в соотечественников. Пора возвращаться Домой, на Родину – к Матери-Церкви, хранящей ценностное ядро национальной идеи, к животворящим святыням, к любви и воле к совершенству, к отечественной культуре, к добрым традициям в отношениях между людьми, к служению Отечеству.

Большевики эгоизму одного класса противопоставили эгоизм другого класса, оставаясь в рамках классового эгоизма. Но классы это различные части народа. И борьба одного класса с другим есть гражданская война, то скрытая, то открытая. Кто начинает такую борьбу ради интересов одного класса, тот – *provokator самоистребления народа, тот предает Отечество и ведет страну к гибели*. Государство есть организация единой воли граждан для благодетельной совместной жизни. Государство по своей природе призвано исходить из *целого, а не из частей, из единения народа, а не из классовой борьбы*. Оно – не машина угнетения (это точка зрения Запада), но *орган духовной и волевой солидарности граждан*. Оно держится по существу не насилем, а своим правовым авторитетом и добровольной лояльностью граждан. Оно считается с частными интересами, но с точки зрения целого. Если интерес класса обоснован, справедлив, то это интерес и всего народа. Государство поддерживает и защищает те законные интересы лиц, групп, классов, реализация которых идет на пользу всем, а не только некоторым. Государство, следовательно, работает по программе *всенародной справедливости* и служит общенародному интересу.

Что же нам, гражданам, мешает созидать такое государство? *Дефицит совести и политической воли, шаткость веры и характера*. Все граждане являются членами самой главной политической организации – государства. Они имеют документ о своем членстве – паспорт. Государство и есть наше общенародная политическая «партия». Зачем гражданам нужны еще частные политические организации – партии?

Время партий уходит в прошлое. Единство народа выше всякого класса, единство государства выше всякой партии, единство России выше всякого государя, национальный подход выше классового. Ибо национальное единение – это *всеобщее основание*, а классовые различия носят частный характер, они приходят и уходят.

Россия и сегодня «слишком мало известна русским» (А.С. Пушкин). После Октября 1917 года образ исторической национальной России выветрился из сознания многих советских людей, отравленных ядом классовой ненависти. Партийные идеологи советского периода исходили из принципа конкретности ко всему, кроме истории России. Эту историю они толковали согласно главным тезисам: «Царская Россия – тюрьма народов» и «Мы – родом из Октября»; т.е. обязаны продолжать большевистское духовное растрепывание и политическую уголовщину. На официальном государственном уровне уродовался духовный генотип народа. В постсоветское время часть тех же идеологов утвердила третий тезис: «Советская Россия – Гулаг» и молчаливо согласилась с четвертым тезисом из США: «Россия – империя зла». Эти тезисы в их совокупности были направлены против России в целом, в принципе. Эта неочаадаевщина – или плод необразованного сознания, или принципиальная позиция недругов России. Н.К. Крупская инициировала в 1927 году запрет на издание ряда произведений классиков русской литературы, поэзии, не говоря уже о трудах классиков русской философии. Школьники и студенты имели возможность приобщаться к работам российских западников – Герцена, демократов-разночинцев, нигилистов, анархистов, народовольцев, социал-демократов. Их учили слышать «на одно ухо». Наследие западников следует, конечно, знать и новым поколениям. Но основой образования является все-таки наследие классиков отечественной культуры.

Стратегию И.А. Ильина можно представить обобщенно так: в политике следует идти *направо*, а в экономике – *налево*. Направо – значит приближать жизнеустройство общества к Завету Христа, исходить в практических делах из нравственных императивов, традиций отечественной культуры, преемственности поколений; налево – значит сообщать хозяйственной активности такие формы, которые просторны для инициативы, самодеятельности, предприимчивости. Тем самым Россия будет застрахована от крайностей и недугов либерализма, формальной демократии, с одной стороны, а с другой – от паралича хозяйственной инициативы. Такая страховка создаст предпосылки для восстановления

национально-культурной идентичности народа, исторической памяти, достоинства и чести граждан, их социокультурной идентичности и тем самым – для смыкания исторической связи времен и поколений. Это и есть *креативный консерватизм!* Так Россия за десятилетия восстановит свой *великий исторический ранг* в религии и культуре, в государственном строительстве и хозяйстве; утвердит свои правила игры в международных делах, обретет все новых и новых союзников в геополитике.

Россия, подчеркнул И.А. Ильин, спасется только *самостоянием, самопомощью, творческой самодеятельностью.*

Опыт России в XX веке нас умудрил: блуждания по чужим идейным дорогам бесплодны, шаткость в вере постыдна, непротивление злу есть грех. Надо вернуться духовно на Родину, чтобы заткать ковер отечественной культуры в полноте национального многоцветья и «цветущей сложности». Россия не Европа, не Азия и не монстр «Евразия». Россия – это целый духовно-культурный самобытный континент, из которого прорастут побеги нового исторического цикла истории – *креативного, антропогенного национально многоколоритного общества культурной самодеятельности.* Таковы на наш взгляд, идейные координаты отечественных и западных ориентаций в поиске личностной идентичности.

Литература

1. Цит. по: Байгушев А.И. Русский орден внутри КПСС. Помощник М. А. Суслова вспоминает... М., 2006.
2. Бородай Ю.М. Эротика. Смерть. Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996.
3. Цит. по: Башилов Б. История русского масонства. Вып. 12-13. М., 1995.
4. Цит. по: Башилов Б. История русского масонства. Вып. 14-15. М., 1995.
5. Цит. по: Башилов Б. История русского масонства. Вып. 16-17. М., 1995.
6. Добролюбов Н. Тайные общества XX века. СПб., 1996.
7. Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т.2. Ч.1.
8. Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М., 1992. Т.2.
9. Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993.
10. Назаров М. Триумф мировой закулисы. М., 1996.

11. Независимая газета. 1997. 14 февраля.
12. Прибыль и народ // Литературная газета. 2007. №46 (6146).
13. Путин В. Без укрепления государства нельзя решить ни одну общенациональную задачу // Парламентская газета. 2000. 11 июля.
14. Розов В. На крючке позолоченном // Советская Россия, 1998. 20 августа.

В.И. КОНДАУРОВ

г. Москва

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Одним из самых распространенных недостатков нашей общественной жизни и политики является пренебрежительное отношение к социальным наукам. Чтобы оценить этот недостаток не надо далеко ходить. Достаточно проследить логику реформирования общества за последние 15 лет, чтобы убедиться в сказанном. Объявленный поход против марксизма не привел к выводу социальной науки на новые рубежи знания, а лишь обернулся идейным разбродом и шатанием. Критика же социалистической модели развития свелась к насаждению в жизни упрощенных и невнятных схем. Вольно или невольно мы оказались в стороне от столбовой дороги социального и научного прогресса и тотально невосприимчивыми к тому рациональному, что наработано в этих областях всем ходом мировой истории.

Мировая наука объективно отражает динамику развития социума в разных точках исторического и национально-географического пространства, приводя знание и опыт к более высокому уровню целостности и порядка. Это знание всегда готово к применению. Следовательно, основное условие необходимого влияния науки на жизненную практику является ее востребованность. Важно найти в ней то рациональное, что может быть применено к новым обстоятельствам в качестве эффективного инструмента.

Макс Вебер, один из основателей мировой социологии, введя в научный оборот понятие «идеальный тип», положил по-существу начало методологии моделирования в социальном познании, соединив ее органически с ценностями мировоззрения в качестве необходимой предпосылки искания истины. С тех пор наука не перестает изучать разнообразные модели развития, искать и находить новые (формационные, технократические, либеральные, консервативные, элитарные и др.). Внутри каждой модели в качестве парадигмы научного подхода конституируется определенная система идей и принципов, придающих им